

Театр в законе

известие. - 2005. - 4 авг. - стр. 10.

МАРИНА
ДАВИДОВА

ЗАКУЛИСЬЕ

Чеховский фестиваль подошел к концу. Уже сейчас ясно, что фестиваль этот был переломным. Его задачи, концепция, сама конфигурация изменились, и хочется понять, в чем эти изменения отражают специфику «русского пути», а в чем — общий тренд европейского фестивального движения. Там, в Европе, фестивали ведь тоже меняются, и еще как. Возьмем тот же Авиньон. Задуманный в 1947 году Жаном Виларом как оплот театрального демократизма, он превратился мало-помалу в главный форпост сценического авангарда. В этом году руководство фестиваля и вовсе предложило поручить его программой бельгийскому акционисту от театра Яну Фабру. Засучив рукава, сей безудержный экстремал окончательно стер грань между драматическим театром и актуальным искусством, которая, впрочем, и без него была в последние годы в Авиньоне не очень-то различима. В результате афиша фестиваля запестрела перформансами, динамическими инсталляциями, театрализованными политическими акциями, что вызвало закономерное раздражение у граждан, не без основания полагающих, что театр — это не полигон для разрушения всех и всяческих табу, а место, где артисты должны перевоплощаться и говорить текст по ролям.

Чеховский фестиваль совсем не склонен к радикальным решениям Авиньона, но и в

его программе околотеатральной экзотики было на сей раз чуть ниже крыши. Один из рецензентов даже разглядел в этом обстоятельстве провинциальную русскую тягу к заморским чудесам. Помилуйте! Там, в европах, сценического «черт-те что и сбоку кулисы» куда больше, чем у нас. И не только в Авиньоне. На крупнейшем фестивале в Штутгарте Theater der Welt разнообразию театральных форм позавидовал бы энтомолог. Обрядовые танцы с тихоокеанских островов, представления, на которых артисты чревовещают, куклы из Африки, японский театр инвалидов — вот вам тамошний фестивальный мейнстрим. Приглашенный в Штутгарт «Вишневый сад» отнюдь не склонного к психологическим кружевам Эймунтаса Някрошюса смотрелся на этом фоне как грандиозный осколок театрального традиционализма. Вам страшно? Мне тоже страшно. Но наивно полагать, что эта новая фестивальная реальность создается исключительно злонамеренными директорами и отборщиками. На самом деле она диктуется самим состоянием современного театра, в котором *общедоступное искусство становится все менее художественным, а художественное — все менее общедоступным*. Спектакли-легенды, сопрягающие выразительные постановочные ходы с умным актерством, повсеместно — и у нас, и у них — пора заносить в Красную книгу. О них можно грезить, но где же их сыскать?

На нынешнем Чеховском фестивале стоило удивляться не обилию театральной экзотики, а как раз уравнищенности его программы, в которой изысканный арт-хаус Хайнера Геббельса или Саймона Макберни соседствовал с выдержанным в классических тонах «Лесом» Петра Фоменко и с прекрасным бенефисным моноспектаклем Алисы Фрейндлих «Оскар и розовая

дама» (то есть теми образцами зрительского театра, которые ни в Авиньоне, ни на Wienerfestwochen, ни на Theater der Welt не увидишь вовек). Кстати, то, что на Чеховском фестивале околотеатральные формы и жанры приобрели в основном азиатский колорит, объясняется не только географическим положением Москвы (кому, как не ей, стать столицей театрального евразийства), но и простым расчетом его директора Валерия Шадрина. В конце концов, «Звуки океана» уникального театра с Тайваня — в сто раз более здоровое и общедоступное искусство, чем не особенно художественный авангард того же Фабра. Так что общеевропейский фестивальный тренд (с некоторым уклоном в общедоступность) был на сей раз — радуется это кого-то или нет — выдержан нашим фестивалем по полной программе.

Прежде, что и говорить, было иначе. Ведь Чеховский форум возник относительно поздно, лишь в начале 90-х. Стоит ли удивляться, что поначалу он решительно отличался от старейших фестивалей Европы. У него были иные, нежели у них, задачи и цели. Он стал для нас окном в театральную Европу, причем Европу не только новейшую, но и ту, которую мы на долгие советские десятилетия потеряли. Он привозил в Москву еще не устаревшие шедевры, и Москва тихо проливали на них слезы радости. Теперь, спустя десять с лишним лет, задачи решены, цели достигнуты, миссия выполнена, шедевров почти не осталось. Чеховский фестиваль перестал быть окном в Европу, он стал ее неотъемлемой и очень важной частью и зажил по тем законам, по которым живет ее фестивальное движение. Эти законы еще суровее социальных (*dura lex, sed lex*). Они — как закон всемирного тяготения. Не любить, конечно, можно, но поди-ка их отмени.

40805
Чехов Ф.П.
(Театр. пресс-балет)